

«ПРИЗРАК» пересекает ЗАМБЕЗИ

ПОВЕСТЬ

ЛЕВ БЕРИНГОВ

ПРЕЗИДЕНТ УЛЫБАЕТСЯ

РАБОЧИЙ кабинет президента республики был обставлен скромно: письменный стол из неполированного дерева, полдюжины недорогих, но удобных кресел, стенные шкафы с книгами; над столом — портрет Патриса, слева — карта страны и масштабный план столицы, справа — писанная маслом картина, изображающая стадо зебу на горном пастбище. В далекой юности президент был погонщиком быков; он гордился, что без чьей-либо помощи, сам, сумел пройти путь от пастуха до главы государства.

Крестьянская неспешная мудрость и отсутствие тщеславия были его отличительными чертами. Он не воздвигал себе памятников и мраморных дворцов, категорически отверг предложенный лыстивой пресой титул отца независимости и вождя нации и даже запретил воспроизводить на почтовых марках свой профиль — а, надо сказать, именно в профиль его добродушное лицо простолюдина выглядело по-древнеримски мужественно.

Он управлял своей неспокойной страной уже восьмой год, стараясь, как рачительный хозяин (каким он в сущности и был), чтобы стада его тучнели и множились, нивы плодоносили и все богатело и крепло день ото дня. И он любил улыбаться.

Он улыбался и сейчас, хотя директор Управления национальной безопасности сообщил ему о бесспорных признаках страшной грозы, нависшей над мирным краалем.

— Ваши предположения целиком оправдались, господин президент, — докладывал директор, выпрямившись в кресле и пощипывая щетину на подбородке: бритье он считал самой никчемной тратой времени, с чем уже все смирились. — Моффет установил контакт с этим предателем Обварой, которому Джола передал магнитофон с записью инсценировки совещания. Прослушав полученную запись, Моффет совершенно обнаглел. Сегодня он посетил нескольких западных и местных бизнесменов — список у меня есть, — а также встретился с теми лидерами оппозиции, которых вы имели в виду. Сейчас он отправился в горы и, надо полагать, сговаривает-

ся с вождями племени малёва. Несколько отрядов горцев уже на пути к столице, многие из них при оружии.

— Завтра воскресная ярмарка, — напомнил президент. Он вынул из вазы цветок и задумчиво смял его сильными пальцами. — Завтра большой праздник!

И он бросил сломанный цветок в корзину. Кондиционеры тихо шипели, вея прохладой.

— Совершенно верно, — подтвердил директор УНБ. Его сухое и скуластое лицо с иссиня-черной кожей было озабоченным. Спокойствие президента удивляло и даже тревожило.

— Что касается Обвары и Джола, — продолжал он после паузы, — то первый сейчас обрабатывает смещенного князька племени манелли, а второй получил по поддельной накладной двадцать три ящика автоматов и гранат и, собрав на подмогу себе своих родственников, развозит оружие вот в эти места.

Директор подошел к стене и указал на плане аэродром, порт и несколько пунктов в центре города.

— Все ясно, старый друг, благодарю тебя! — Президент встал и, высокий, как все горцы малёва, наклонившись, крепко обнял низкорослого потомка рисосеев-манелли. — Иногда, знаешь ли, генерал, начинаешь вдруг сомневаться даже в школьных друзьях. Нет сильнее испытания, чем проба на чечевичную похлебку! — Президент снова улыбался.

— Скажите, Фюльбер, если вы мне и впрямь доверяете, откуда вам стало известно, что этот Моффет — агент «Брудербонда» и диверсант?

Президент заставил Зоуби сесть в кресло и сам сел рядом.

— Видишь ли, — ответил он, разглаживая складки на брюках, — некоторые наши друзья помогают нам не только тракторами и автоматами, понимаешь? А что касается возможных акций этого негодяя, ты ведь тоже их в общем-то предугадал — они шаблонны, и ничего нового здесь быть не может. Импералисты хотят снова поссорить малёва и манелли, возродить в нашей стране былой антагонизм, а заодно свергнуть правительство и установить антинародный режим. Одним словом, известная тактика — «разделяй и властвуй». Но эта тактика сейчас не поможет, дружок: никаким диверсантам, никаким предателям-толстосумам и эгоистам не удастся подорвать единство народов нашей республики — основу ее нацио-

Окончание. См. «Азия и Африка сегодня» № 4-6 за 1969 год.

нальной независимости. Мы должны дать суровый отпор всем негодям и отщепенцам!

Президент встал и взволнованно заходил по комнате. Его лицо напряглось и окаменело. В профиль оно походило теперь на лицо воина, готового устремиться на врага. Подбородок был решительно поднят.

— Я отдал распоряжение начальнику генерального штаба привести все войска в состояние боевой готовности и укрепить гарнизон столицы. Лётный состав и танковые части будут подняты по тревоге, как только стемнеет. Выступления бандитов следует ожидать сегодня ночью. Но не все воинские части, друг мой, могут оказаться на высоте положения — ты меня понимаешь? Поэтому прошу тебя собрать и вооружить автоматами и пулеметами рабочие отряды самообороны, поручив им, и только им, защите правительственных учреждений и радиостанции. Все ясно?

— Есть вопросы, господин президент!

— Слушаю.

— Почему бы нам не ударить прямо сейчас и предупредить кровопролитие?

— А что ты сможешь сказать общественности страны, дружок, и всему миру? Что президент убрал негодных ему оппозиционеров и вождей племен, свалив все опять на проклятых империалистов? Где у тебя веские доказательства заговора? Нет! Пусть нарыв созреет и прорвется сам! Это оздоровит нацию.

— А что прикажете делать с этим Моффетом после подавления беспорядков — если он, разумеется, останется жив?

— Самое лучшее, если ты обеспечишь ему возможность благополучно бежать назад в Родезию или куда угодно, на все четыре стороны.

— Я вас не понимаю, Фюльбер!

— А что тут понимать, дружок? Сбежит — значит, виноват! Вот тогда-то мы и сможем назвать его любым нужным нам именем. А мешать он больше никому в Африке не сможет, его песенка будет спета. Уверю тебя, Моффет полностью останется в стороне и не покажет даже носу на улицу этой ночью. Эти люди привыкли делать грязную работу чужими руками и выходить сухими из воды. Что мы сможем сказать на суде? А нас упрекут, что мы опять выступили как националисты, что мы опять отдаем под суд невинных белых барашков, что у нас красная тирания в стране, произвол и беззаконие!

— Все ясно, господин президент! — Директор УНБ, позабыв, что он в штатском, вытянулся по стойке «смирно».

— Действуй, дружок! Связь держи непосредственно со мной по телефону, а в случае осложнений — по радио. И передай адъютанту — пусть пригласит ко мне командующего партизанскими соединениями ЗАПУ. Да, кстати, ты в курсе, что американская туристская группа, которая должна была завтра прибыть к нам, возвратилась сегодня из Найроби назад в Каир? Вот так-то... Ну, желаю удачи!

Президент подошел к запотевшему окну и распахнул его настежь. Вместе с душным зноем в кабинет ворвалась разноголосая веселая перекличка городских улиц, которые расплзлись от подножья холма к озеру темно-зелеными каналами; дома казались белыми лодками, приставшими к их берегам. Вдали, над горами Малёваленда, громоздились снежные глыбы облаков. Серая гладь озера время от времени шершавилась под порывами ветра. Президент улыбнулся. Это была его пятидесятая весна. Так, лежащим навзничь с улыбкой на лице, его и нашли. Пуля снайпера навывел пронзила ему голову.

Если собрать воедино все, что было написано по поводу быстротечных, но кровавых событий в Аталии, то можно, бесспорно, составить библиотеку в несколько томов.

Длительное время серьезные споры вызывала даже последовательность событий, происшедших в Аталии в субботу с 10 часов 05 минут утра до 11 часов 10 минут вечера.

Правительственные коммюнике и показания участников событий, материалы местных газет и радио, рассказы очевидцев и сообщения информационных агентств существенно отличаются друг от друга. Только спустя три месяца была опубликована брошюра Фрея Конрада «Я был в Аталии, когда стреляли». Благодаря связям в посольских и правительственных кругах Конраду удалось восстановить довольно точную хронологию происшедшего. Во всяком случае, ссылаясь на него считается вполне приличным даже при защите диссертаций на соискание ученой степени по истории Аталии. Поэтому «13 часов Аталии», как окрестили в мире драматические события, развернувшиеся в этой стране после появления Хенрика Моффета, агента «Освега брандваг» под кличкой «Призрака», излагаются ниже сокращенно, но в точном соответствии с брошюрой канадского ученого.

В 10.05 выстрелом через окно был убит президент Аталии.

10.45. В стране введено чрезвычайное положение.

11.30. Кабинет министров принял решение о передаче временно всей исполнительной власти Чрезвычайному революционному комитету. В него вошли вице-председатель правящей Народно-социалистической партии, президент Генерального совета профсоюзов, начальник генерального штаба и директор Управления национальной безопасности.

11.50. Радио Аталии сообщило о поимке группой майора Джолы снайпера-манелли, который стрелял в президента. При аресте убийца оказал сопротивление и был смертельно ранен. Перед смертью он заявил, что единственным мотивом преступления была его ненависть к племени малёва, из которого происходил президент.

12.30. В районе городского рынка и на площади Независимости группы хулиганов из племени малёва с криком: «Бей предателей-манелли!» — пытались разграбить лавки торговцев и нападениями цепями, избивая их палками и велосипедными цепями. Отряды народной полиции, применив водометы, слезоточивый газ и дубинки, рассеяли хулиганов. Свыше ста человек арестовано.

12.45. Радио передало воззвание Чрезвычайного революционного комитета «К гражданам Аталии», в котором содержался призыв не поддаваться на провокации националистов и иностранных врагов Аталии, сплотить свои ряды и всем — как манелли, так и малёва — быть готовыми дать решительный отпор любым проискам внутренней и международной реакции.

13.00. Напряженность в столице быстро возрастает. То там, то здесь вспыхивают кровавые стычки между малёва и манелли. В центр города прибывают колонны грузовиков с вооруженными рабочими отрядами самообороны. В порту гремят выстрелы, слышны взрывы гранат.

13.15. Восстал парашютный батальон солдат племени манелли. Парашютисты захватили радиостанцию и аэродром. Майор Джолла, выступивший по радио от имени восставших, объявил о создании

«Временного правительства» и призвал к невмешательству во внутренние дела Аталии.

13.30. В центре столицы идут ожесточенные бои между рабочими отрядами самообороны и восставшими парашютистами-манелли. К рабочим присоединились курсанты офицерской школы и студенты университета. В различных районах города гремят взрывы, возникли многочисленные пожары. Связь с провинцией прервана.

14.00. Командование танковой бригады, направленной чрезвычайным революционным комитетом в столицу, отказалось принять участие в военных действиях и заявило о своем нейтралитете. В порту и центральных районах города продолжаются жестокие схватки.

15.30. Более восьми тысяч горцев-малёва, вооруженных автоматами и пулеметами, атаковали учебную базу ЗАПУ, расположенную в сорока километрах к югу от столицы, и захватили большое количество боеприпасов.

16.00. По радио выступил глава «Временного правительства» — лидер оппозиционной Либерально-крестьянской партии Рабуя. Он заявил, что вся власть в стране полностью перешла в руки «Временного правительства», и призвал граждан Аталии прекратить междоусобицу и совместными усилиями окончательно сокрушить «красный режим». На центр столицы ведет наступление отряд белых десантников, только что высадившийся в порту. Рабочие отряды самообороны совместно с горожанами и полицией сооружают баррикады. В порту убит капитан Акуту. Командуя отрядом народной полиции, он пытался обойти белых десантников с тыла и уничтожить их катера.

16.30. Правительственная авиация подвергла бомбардировке и обстрелу с воздуха аэродром, порт и боевые порядки мятежников-малёва, завязавших бои с повстанцами Зимбабве в окрестностях столицы. По приказу майора Джолы мятежники отходят к городу.

17.00. Два полка танковой бригады отказались повиноваться командованию и выступили против мятежников горцев-малёва, преградив им путь к городу. Танкисты-малёва разоряют соплеменникам, что их подло обманули, восстановив против манелли, которые неповинны в убийстве президента.

17.30. Группа горцев-малёва направилась в столицу для поддержки рабочих и народной полиции.

18.00. Теснимые отрядами самообороны рабочих цементного завода и железнодорожников, парашютисты-манелли взорвали здание радиостанции. Серьезные бои между правительственными войсками и мятежниками развернулись в Ункомо, главном городе Малёваленда.

18.30. Рабочие, полицейские и горцы совместными усилиями отразили атаки белых десантников и перешли в наступление. Бои переместились в район порта.

19.00. Воспользовавшись наступившей темнотой, остатки отряда белых десантников бежали на катерах. Пленные десантники сообщают, что были направлены из Родезии для карательной акции против лагерей ЗАПУ.

19.30. В центре столицы и в районе порта восстановлен порядок. Рабочие отряды самообороны и горцы-малёва патрулируют улицы города.

20.30. Отряды рабочих совместно с танкистами очистили от мятежников столичный аэродром. Взят в плен лидер Либерально-крестьянской партии Рабуя, который заявил, что мятежники ожидали высадки авиадесанта португальцев из Мозамбика. Действия правительственной авиации сорвали предпо-

лагаемую операцию. Два батальона мотопехоты правительственных войск вошли в Ункомо. В остальных городах страны сохраняется спокойствие. Солдаты и рабочие контролируют все стратегические пункты, фабрики, заводы, аэродромы и железную дорогу.

22.00. В столице и ее пригородах полностью восстановлен порядок. Пожары ликвидированы. В порту обнаружен труп майора Джолы.

23.10. Радио Малёваленда сообщило о ликвидации сопротивления в городской цитадели Ункомо — последнем опорном пункте мятежников.

...В это время катер стремительно уносил Моффета-Крамера прочь от Аталии, на север, туда, где за холмами Руанды он мог найти единственную надежду на спасение среди старых соратников по разбою.

НОМЕР ИНСПЕКТОРА БРАУНЕРА

— Итак, я слушаю вас, фрау Шпехт, — сказал инспектор Браунер. — Зачем вы подсыпали снотворное этому Хайнцу Крамеру? Рассказывайте все как было.

— Но он же заявил, что этот негодяй может оказать сопротивление при аресте, господин инспектор! А как я могла знать, что он его вдруг задушит? — Фрау Шпехт промокнула платком глаза.

— Простите, кто «он»? Рассказывайте все по порядку, дорогая фрау Шпехт.

Инспектор Браунер развернул облатку жевательной резинки и с отвращением бросил ее в рот. По рекомендации врачей он бросил курить.

— А я его сразу узнала, господин инспектор, — по ушам. У него такие странные уши: как будто приросли к голове. Это он тогда был шофером, возил трупы из концлагеря, я его по ушам узнала и сразу хотела заявить в полицию, а потом испугалась, а утром как раз и пришел тот убийца, только я не знала, что он его задушит, а он сказал, что из международной полиции и предъявил документы, а я без очков поверила, он сказал, что они арестуют этого Крамера, только он может сопротивляться, его лучше предварительно усыпить, и дал мне снотворное, а я целый день все боялась, он меня отругал, я тогда и подсыпала, а ночью тот и задушил, я в обморок чуть не упала, когда увидела!

— Минуточку, фрау Шпехт! — Инспектор Браунер постучал карандашом по столу. — Следовательно, вы утверждаете, будто Хайнц Крамер был водителем автомашины, которая возила трупы из лагеря в городской крематорий?

— А как же, господин инспектор! Я узнала его по ушам, негодяй!

— Скажите, как выглядел человек, который явился к вам под видом агента «Интерпола»?

— Как все: среднего роста, в сером костюме, шляпа с перышком. Тоже загорелый, а так ничего особенного, не очень старый еще. Неужели вы меня арестуете? Но ведь я даже вовсе ничего не подозревала!

Инспектор задумчиво жевал резинку. Его изможденное, землисто-желтое лицо было спокойным и усталым.

— Попробуйте вспомнить какие-нибудь особые приметы, фрау Шпехт, — предложил он. — Цвет глаз, волос, какие-нибудь, скажем, родинки. Нос, уши, подбородок? Напрягите, пожалуйста, память!

— Глаза вроде бы серые, господин инспектор... Да я и не разглядывала его совсем, господин ин-

спектор, я женщина порядочная, это все знают! Я же думала, он полицейский!

— Нет... — задумчиво протянул инспектор. — Не полицейский. Он вам ничего не говорил, где остановился, куда намерен отправиться? Нет, конечно!

— Нет... А что? Вы меня арестуете? О господи, какой ужас!

Инспектор Браунер ничего не ответил. Он закрыл свой блокнот и сунул его в ящик стола. Затем, взглянув в выцветшие глаза фрау Шпехт, предложил:

— На этом мы закончим, пожалуй, нашу беседу, фрау Шпехт. Вы свободны. Прошу вас только об одном: если не хотите неприятностей ни для себя, ни для кого другого, попридержите язык! И никому никогда больше не говорите, как вы подсыпали сно-

творное этому Хайнцу Крамеру. Потому что на вашем месте я поступил бы точно так же.

Инспектор Браунер растянул запонку, засучил рукав рубашки и показал выше запястья на тыльной стороне руки синий пятизначный номер узника концлагеря.

— Я думаю, фрау Шпехт, — сказал он, снова вдевая запонку, — что расследование теперь окончательно зашло в тупик. Надо полагать, убийца Крамера уже далеко за пределами страны. Впрочем, собака — собачья смерть, чья бы рука ни исполнила приговор. Не правда ли?

И, не встретив со стороны фрау Шпехт возражений, инспектор Браунер проводил ее до порога своего кабинета.

Люди на Тюленьем острове

КОГДА пассажирский теплоход, уходя из гавани Кейптауна, скользит по лучистой синеве океана, отъезжающие южноафриканцы с грустью оглядываются на величественную Столовую гору. Лишь немногие замечают небольшой катер «Иссия» (названный так по имени жены бывшего премьер-министра Яна Сметса), который спокойно движется к одинокому, похожему сверху на грушу Тюленьему острову, удаленному от материка почти на 13 километров. Быть может, этот небольшой романтический остров предназначен для туристов и людей, жаждущих солнца?

Однако «Иссия» перевозит не отпускников. Катер возит продукты, или охранников, или новую партию арестованных.

«Тюлений остров» имеет печальную историю. Англия использовала его в прошлом как морскую базу, затем этот остров был превращен в лепрозорий, а еще позже — в место заключения для опаснейших преступников Южной Африки: убийц и насильников, осужденных на пожизненную каторгу.

Сейчас на острове содержатся «политические заключенные». Это 1500 цветных и африканцев и 200 уголовников-

рецидивистов. Последние выполяют в тюремном управлении всякие поручения.

Первым политическим арестованным, отправленным на этот остров, был 47-летний штукатур Георг Пик. Три года — с 1962 по 1965-й — он провел в тюрьме. После освобождения он находился под домашним арестом. И все же в один прекрасный день ему удалось бежать в Англию. В Лондоне он рассказал о жизни на этом острове.

Жестокая расовая политика проявляется даже в тюрьме. Африканцам полагается меньше пищи, чем цветным. Они не получают сахара, кофе, и лишь изредка им дают кусок хлеба. Так как у Пика и других арестованных были изувечены и воспалены суставы рук, их направляли на починку одежды. Но и здесь было несладко. Однажды Пик испортил потайную застежку в рабочем костюме. Он получил одиночное заключение, и в течение десяти дней его кормили жидкой баландой «за ущерб, нанесенный государственному имуществу».

10 марта 1964 года двое арестованных потеряли в каменоломнях от слабости сознание. Их привязали к столбу спина к спине, чтобы они «отдохнули на солнце». Остальные сто узников сложили свои ин-

струменты и направились в лагерь. Здесь их встретили охранники, избили кайлами и, подобно скоту, загнали на площадку, огороженную колючей проволокой.

Неоднократно Пик был свидетелем жестокостей и надругательств охраны. Арестованных якобы за то, что они плохо работали, закапывали по шее в песок. Затем охранники мочились на их головы.

Центральный блок лагеря находится на севере острова. На юге расположена деревня охранников и их семей. Там же стоит старый дом, окруженный колючей проволокой. Его охраняют полицейские с собаками. Здесь в полной изоляции содержится «забытый человек» Тюленьего острова. Его имя Роберт Собукве. Он обвиняется в подстрекательстве к неповиновению властям, которое якобы привело к расстрелу в Шарпевиле.

Председатель Panaфриканского конгресса Роберт Собукве был арестован и осужден на три года. Незадолго до освобождения его привезли на Тюлений остров. Премьер-министр Форстер издал специальный акт о Собукве — заключение на неопределенный срок. Он заявил, что Собукве никогда не увидит свободы.

На Тюленьем острове томятся до сих пор Нелсон Мандела, осужденный к пожизненному заключению в 1964 году, председатель партии Африканский национальный конгресс Уолтер Сисулу и другие.

Сокращенный перевод из газеты «Возмездие» (ГДР).